

ИВАН ЛУКАШ
ЕПИСКОП МИХАИЛ СЕМЁНОВ

ПРОТОПОП
АВВАКУМ
БОЯРЫНЯ
МОРОЗОВА

ТРИ
ЗАБЫТЫЕ
ПОВЕСТИ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л84

В оформлении обложки использована олеография *П. Щеглова*
по картинке *К. В. Лебедева* и *Н. И. Богатова*
«Боярыня Морозова у протопопа Аввакума», 1889 г.

Лукаш, Иван Созонтович.
Л84 Протопоп Аввакум. Боярыня Морозова : три забытые пове-
сти / Иван Лукаш, Епископ Михаил Семёнов. — Москва : Экс-
мо, 2025. — 208 с. — (Религия. Старообрядчество).

ISBN 978-5-04-227329-2

Впервые в современном издании собраны редкие исторические повести рубежа XIX—XX вв., принадлежащие перу писателя Ивана Лукаша и епископа Михаила (Семёнова). Их основа — подлинные документы, народные предания и воспоминания современников. Авторы стремились к исторической точности и избегали произвольного вымысла, сохраняя художественную силу повествования.

Сборник открывается повестью о протопопе Аввакуме — исповеднике старообрядчества, почитаемом как священномученик. Его подвиг задаёт контекст, на котором раскрываются судьбы его ближайших сподвижниц: боярыни Феодосии Морозовой, её сестры княгини Евдокии (Марфы) Урусовой и Евдокии Уруслановой. Все они стали жертвами церковного раскола и приняли мученическую смерть, оставаясь верными древнему благочестию.

Современники ценили эти повести за историческую правду и силу духовного чувства. Иван Лукаш умел соединять живое повествование с уважением к национальной традиции, а епископ Михаил писал как пастырь, обращаясь к сердцу читателя.

Недаром Лев Толстой, размышляя о старообрядцах, замечал: «Старообрядцы сохранили живую веру, чего мы, господствующие, давно лишились». Эти слова точно передают дух сборника, где история и вера звучат вместе. Это напоминание о нестигаемом мужестве и духовной высоте людей XVII века.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-227329-2

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Лукаш

Боярыня Морозова 7

Епископ Михаил Семенов

Горящий огнем 52

I 52

II 56

III 59

IV 64

V 68

VI 74

VII 77

VIII 78

IX. Десять лет в Даурии 79

X. Снова в Москве 88

XI. Перед патриархами 93

XII. В Пустозерске 100

XIII. Конец «Огнем горящего» 109

Содержание

Епископ Михаил Семенов

Боярыня Морозова	114
I.....	114
II. День Морозовой. Утром	121
III. День Морозовой. Среди дня.....	125
IV. День Морозовой. Вечер (1669 год)	134
V. Ночь (1670 год).....	140
VI. Другая ночь. Постриг	144
VII. Начало страданий	146
VIII. Позор Морозовой	157
IX. В Печерском монастыре	163
X. пытки.....	175
XI. В первой Боровской тюрьме. Смерть Юстины	188
XII. Во второй тюрьме. Смерть Урусовой (11 сентября 1675 года).....	198
XIII. Последние дни. Смерть Морозовой (2 ноября 1675 года)	202

Иван Лукаш

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

Глава из неизданной книги

Звезды небес. Тихая ночь... В глухом Боровске, на городище, у острова лежал камень, поросший мхом, а на камне были высечены забвенной московитской вязью буквы, полустертые еще в 60-х годах прошлого века:

«Лета 7... погребены на сем месте сентября в 11 день боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его, княгиня Евдокия Прокопьевна, да ноября во 2 день боярина Морозова жена, Федосья Прокопьевна, а в иноках схимница Феодора, дочери окольного Прокопия Федоровича

Иван Лукаш

Соковнина. А сие положили на сестрах своих родных боярин Федор Прокопьевич да окольный Алексей Прокопьевич Соковнины».

Огни лампад никогда не горели над суровой могилой Федосьи Морозовой и меньшей ее сестры Евдокии, не теплилось никогда церковной свечи.

Только звезды небес. Тихая ночь.

***

Боярыня Морозова и княгиня Урусова — раскольницы. Они приняли все мучительства за одно то, что крестились тем двуперстием, каким крестился до них Филипп Московский, и преподобный Корнилий, игумен Печерский, и Сергей Радонежский, и великая четверица святителей московских. Во времена Никона и Сергей Радонежский, и все сонмы святых, до Никона в русской земле просиявшие, тоже оказались внезапно той же старой двуперстной «веры невежд», как вера Морозовой и Урусовой.

Это надо понять прежде всего, чтобы понять что-нибудь в образе боярыни Морозовой.

Надо понять, что, живи во времена Никона Сергей Радонежский, он, может быть, еще грознее, чем протопоп Аввакум, восстал бы на «правление» вековой русской молитвы, векового подвига Руси во Христе, и «правления» — кем? — такими непрочными греками, невеждами и торгашами, как Лигарид и Лихуды.

Надо понять, что не за пресловутую «букву» поднялись стояльцы двоеперстия, а за самый Святой Дух Руси. Они поняли, что с «новинами Никона» искажается призвание Руси, они почуяли ужасающий разрыв единой на-

родной души, единой мысли народной, падение и гибель Русской земли.

Все это надо понять, чтобы осмелиться коснуться самого прекрасного, самого вдохновенного русского образа — образа московитской боярыни Федосьи Морозовой.

***

Свет тихий, все разгорающийся, исходит от нее, чем ближе о ней узнаешь.

Великомученица раскола. Но никакого раскола, откола в ней нет. В образе боярыни Морозовой дышит самое глубокое, основное, что есть в русских, наше последнее живое дыхание: боярыня Морозова — живая душа всего русского героического христианства.

Не те, вероятно, слова, и не мне найти настоящие слова о ней, но кажется боярыня Морозова потомук разгадкой всей Московии, ее душой, живым ее светом.

И потому это так, что боярыня Морозова — одна из тех, в ком сосредоточивается как бы все вдохновение народа, предельная его правда и святыня, последняя, религиозная тайна его бытия.

Эта молодая женщина, боярыня московитская, как бы вобрала в себя свет вдохновения старой Святой Руси и за нее возжелала всех жертв и самой смерти.

***

Боярышне Федосье Соковниной шел семнадцатый год, когда за нее посватался стольник и ближний боярин царя Алексея Глеб Иванович Морозов.

В семье окольного Прокопия Соковнина старше Федосьи были братья Федор и Алексей, а ее младше — сестра Евдокия.

У Соковниных хранилась с Василия Третьего память об иноземных предках: они вышли из немцев и в своих праотичах были сродни ливонским Иксклюям, а имя Соковнины приняли от жалованного села Соковня.

Как странно подумать, что в страстотерпице русского раскола, в той, в ком дышит так прекрасно душа всей Московии, шла издалека твердая и упорная немецкая кровь.

Боярышня была ростом невысока, но статная, легкая в походке, усмешливая, живая, с ясными синими глазами. Так светлы были ее волосы, точно сияли в жемчужных пронизьях и гранчатых подвесках. Мы не любопытны знать о предках, ничтожна наша историческая память. И боярыню Морозову мы помним разве только по картине Сурикова. Одинокий Суриков могуче чуял Московию, она, можно сказать, запеклась в нем страшным видением «Утра стрелецкой казни».

***

А было боярышне Федосье Прокопьевне семнадцать, когда сам царь благословил ее на венец образом Живоначальной Троицы, в серебряных окладах и на цветах.

Ближний боярин Морозов, ему далеко перевалило за пятьдесят, суровый вдовец, ревнитель Домостроя, спальник царей Михаила и Алексея, — спальники же следили за нравами дворцовых теремов и девичьих, — крепко тронулся светлой красой синеглазой Федосьюшки и ввел ее в свой дом.

С нею вошла в дом Морозова молодость и веселость. Старшие братья Алексей и Федор, без сомнения, любили сестру, только одним глубоким братским чувством могло быть написано «Сказание о жизни», какое написал позже о сестре брат Федор. А младшая, Евдокия, как то бывает часто, во всем, не думая, подражала старшей, как бы повторяла ее жизнь. Брат Федор позже напишет о сестрах, что они были «во двоиу телесех едина душа».

Знаменитый человек Московии, один из самых ее мудрых и светлых людей, Борис Морозов, брат мужа юной боярыни, также полюбил ее «за радость душевную».

Радость душевная — какие хорошие, простые слова... В них сквозит вся юная боярыня Морозова, усмешливая, синеглазая, легкая, с ее светлой головой, сияющей, как в теплое солнце, в жемчужовой кике.

Вот это — надо заметить: подвижницы вышли не от ярых изуверов и изуверок, не от дряхлых начетниц молелен, а из живой, веселой и простодушной московской молодежи.

Молодой Московией была боярыня Морозова, радость душевная...

***

Правда, за молодежь морозовского дома подымается вскоре такой могучий, такой огромный, точно само грозное небо Московии, человек, как Аввакум.

С 1650 года он стал духовником молодой боярыни, ее домашним человеком, другом, учителем. Это были те времена «неукротимого» протопопа, когда он был близок к цареву Верху, водил дружбу с царским духовником

Стефаном Вонифатьевичем, те времена, о каких Аввакум отзовется позже с веселой насмешливостью:

— Тогда я при духовнике в тех же полатех шатался, яко в бездне мнозе...

А на Москве это были времена Никона. Точно черная туча гнетущая налегла и затмила свет: Никон.

Смута духа, поднятая Никоном, без сомнения, куда страшнее всех наших Смутных времен.

Из Смутных времен Русь вышла победоносная, в светлом единодушии. Она вышла из великого настроения порывом единодушного вдохновения. Русь, в испытаниях Смуты, впервые за все века вполне обрела, поняла себя. Она была охвачена единодушным желанием устройства, освящения и освежения всей своей жизни. Она уже нашла свою твердую основу в двенадцати Земских Соборах царя Михаила. Такой она приблизилась и к временам царя Алексея.

Тишайший царь как бы только длит тихую весну, какая стала на Руси со светлых дней царя Михаила, и своими Уложениями, в общем движении к устройству Дома Московского, желал все уладить и в Московской Церкви.

Но с крутым самовластием Никона церковное Уложение обернулось духовным разложением, исправление — искажением, перемена — изменой. Никонианство для крепких московских людей обернулось предательством самой Христовой Руси.

Именно Никон расколол народное единодушие, вынесенное из Смуты, рассек душу народа смутой духовной. И те, кого отсекали, откололи «новины», с вещей силой почуяли в «черном Никоне» дуновение жесточайшей бури «черного бритоусца Петра», конечное потоптание

Московии, забвение народом его призвания о преобразении Отчего Дома в светлый Дом Богородицы. Они поняли, что так померкнуть самому духу Святой Руси. С какой нестерпимой болью поняли они, что Никон нанес удар по самому глубокому, последнему, что есть у народа, — по его вере.

За русскую веру, как они ее понимали, заблуждаясь или не заблуждаясь, за русскую душу, за дух Святой Руси они и пошли на дыбы и в костры.

Из Смутных времен Русь вышла единокрушной. Но после духовной смуты, поднятой Никоном, не нашла она единокрушния и до наших дней.

***

Можно представить, как в доме стольника Морозова молодежь, родня Федосьи Прокопьевны и она сама слушали огненные речи Аввакума.

Он-то весь — как сверкание последней молнии московской, как один вопль о спасении Руси, об отведении чудом Божиим сокрушительного, занесенного над Русью удара. Аввакум уже предвидел за Никоном кнут и дыбы Петра. И вещей клетот его тревоги передался молодой боярыне.

Морозова переняла его святую тревогу.

Весь мир веселой и простодушной молодой женщины, знатной боярыни, большой москвитки, был потрясен. Аввакумовы зарницы осветили ей все: Русь зашаталась в вере, гибнет. И жизнь стала для нее в одном: как спасти Русь, отдавши для того, когда надо, и себя.

Последнее допетровское поколение, последняя молодая Московия — такие как Федосья Морозова, или

княгиня Евдокия Урусова, или их брат Алексей Соковнин, — вошли в Никонову смуту и в ней, как и последнее поколение старой России, погибли в истязаниях и пытках смертельной борьбы за Русь.

***

Что видели кругом глаза молодой боярыни?

Над Московией, по слову одного современника, воскурялась великая буря. Духовная гроза потрясла всех. Московия билась, как в чудовищной лихорадке-огневице, захлебнулась в клочущих спорах, стала исходить бешенством духовной распри.

Вся Москва сотряслась от воплей, споров. Всюду — в избах, хоробах, в церквах, на мостах, в Китай-городе, на Пожаре — вопили, исходили яростью, больше не понимая друг друга, спорящие о вере, о Никоне, о перстах, аллилуйе, сколько просфор выносить за обедней, сколько концов у креста, как писать Иисус, о жезлах и клобуках, и как стали Троицу четверить, и как звонить церковные звоны.

Точно всю душу Московии перетряхнуло. Распря шла о словах, о буквах, о клобуках, а желали понять и защитить самую Русь, с ее праотеческой верой, старым крестом и старой молитвой.

Страшная смута духа перекачивалась тяжелыми валами от торжищ и корчемниц до дворца, где клетотали много дней о вере, а с Софьей, царь-девицей, когда стал мутить Девичий терем, закачало все царство, и хлынула, наконец, страшным стрельцким бунтом.

И рухнула у ног Петра в утро стрельцкой казни, когда Московия с зажженными свечами сама пела себе отход-

ную под виселицами и пыточными колесами. Рухнула и растеклась, как будто исчезла.

Нет, не исчезла, но вбилась, глубоко и глухо, как клин, в каждую русскую душу.

***

У боярыни Морозовой родился сын, его нарекли Иваном. Но радость материнства не победила, не утишила нестерпимой тревоги за Русь.

Морозова точно ищет, чем спасти Русь от всего, что надвинулось на нее, и, как все люди, ставшие за старую Русь, не знает другого спасения, кроме молитвы. Молодая боярыня, можно сказать, припала к молитве. Суровым обрядом, истовым чином она точно желает огородиться от потемневшего мира, так чаёт вымолить Светлую Русь.

— Пора нам наконец понять, в чем наши московские отцы полагали силу обряда: молящийся обрядом воплощает дух, как бы оформляет его, как бы преображает обрядом жизнь вокруг себя, отодвигает всю небожественную, нестройную, неистовую стихию мира, заполняя вокруг себя все божественной стройностью, истовостью обряда, чина, каждочасной молитвы.

В доме Морозова шли самые суровые долгие службы, правила, чтения. Боярыня замкнулась в монастырском домашнем обиходе.

Особенно заговорили о том на Москве после смерти ее мужа, в 1662 году.

***

Ей еще не было тридцати, когда она стала домодержницей, матерой вдовой.

Потомка ослепит невольно пышная византийская мощь, тяжкое великолепие большой и богатой московской боярыни, звенящей от кованого золота и драгоценных камней.

«Друг мой милый, Федосья Прокопьевна, — напишет позже о тех ее временах Аввакум. — Была ты вдова честная, в Верху чина царева, близ царицы. В дому твоему тебе служило человек с триста. Ездил ты по Москве в карете дорогой, украшенной мусией и серебром, на аргамаках многих, по шести и двенадцати запрягали, с гремячими цепями, за тобой слуг, рабов и рабынь шло иногда и триста тридцать, оберегая честь твою и здорье...»

Как иконостас, отягощенный золотом, горящий византийским жаром, была с виду недосягаемая боярыня.

А что за этими аргамаками, мусией, гремячими цепями?

Во вдовьем доме тихий гул молитв, ночных и дневных, церковное пение, в столовых палатах — нищие, странные, убогие, калеки, юродивые, старцы и старицы.

Ее дом становится и больницей, и странноприимницей, и монастырем.

Морозова точно приняла на себя неслышный подвиг все отдавать тем, кто обижен миром, где уже дышит сатана. Ее жизнь двоится: то выезды ко двору и боярство в золоте, на гремячих цепях, а то в тонком сумраке московском, скрывая лицо под шугаем вдовьих смиренных цветов, обход милостыней темниц и убогих домов.

Кругом гонимые, смятенные, охваченные ужасом пред замыслом Никона — смести старую веру, сдунуть Святую Русь.

Мир кругом осатанел, зашатался.

И в дом Морозовой, как в Божью крепость, спасаются от осатаневшего мира.

Она принимает к себе пять изгнанных за старую веру монахинь. Монах Симонова монастыря Трефилий тайно посылает инокиню Меланью в игуменьи этого домашнего Морозовского монастыря.

На своем примере, подвиге, жертве хочет отбиться, отмолиться от страшного мира Морозова.

***

Со старицей Анной Амосовой она прядет рубахи, переодевается с нею в рубища и «ввечеру ходит по улицам, по темницам, и оделяет рубахами, и раздает деньги».

Она точно хочет умилоствивить добродетелями надвинувшийся сатанинский мир.

Среди больных она принимает к себе нищего Стефана, в гнойных язвах и струпьях.

Молодая женщина «сама язвы гнойные ему измывала, своими руками служила, ела с ним из одного блюда». Она точно хочет победить отвращение перед всеми страданиями и сама готовится к ним.

В доме у нее таятся от властей юродивые Федор и Кириан, стояльцы за старую веру. Теперь мы не понимаем юродства, брезгуем им: для нас юродивый либо слабомумный чудака, либо ломающий комедию попрошайка.

А для московита юродивый был народным пророком, и подвиг юродства так, например, разъясняет Кедрин: «Повелел ему Бог ходить нагу и необувену, да не повинующиеся слову возбудятся зрелищем странным и чудным».